Виктор НЕКРАСОВ

Рядовой Лютиков

Как-то ночью я возвращался с передовой. Устал невероятно. Мечтал о сне — больше ни о чем. Приду, думаю, даже ужинать не буду, сразу завалюсь... Но вышло не совсем так.

Спускаясь в наш овраг на берегу Волги, я еще издали заметил, что возле землянки моей что-то происходит. Человек 10—15 бойцов толпились около входа в блиндаж.

— Что тут у вас?

— Да заболел вроде один, — ответил кто-то из темноты.

— В санчасть отправить, значит, надо. Чего стоите? Пополнение, что ли?

— Пополнение.

Получали мы его тогда — дело происходило в Сталинграде в конце января 43 года — не часто и не густо. Человек по 15—20 в неделю, моментально расхватываемых батальонами. Тут же в овраге, как раз против моей землянки, пополнению выдавали тулупы, валенки, теплые заячьи рукавицы, оружие и отправляли на передовую.

Кто-то тронул меня за локоть. Я обернулся. Терентьев, мой связной.

— Симулянт...—Терентьев всем всегда был недоволен, на все ворчал и всех осуждал.—Нажрался чего-то и в «Ригу» поехал. Напачкал только.

— Ладно. Позови Приймака. А бойцов давайте-ка к штабу... А то подорветесь здесь на капсюлях. Живо...

Бойцы, ворча, поплелись к штабному блиндажу. У входа в землянку остался только больной. Он сидел на корточках, обхватив колени руками, и молчал, уставившись в землю.

— Что с тобой?

Он медленно поднял голову и ничего не сказал. Его опять стошнило.

— Заведи его в землянку, — сказал я. — А я в штаб и сейчас же назад. Приймаку скажи, чтоб градусник захватил.

Когда я вернулся из штаба, Приймак, фельшер, сидел уже в землянке и Терентьев поил его чаем.

— Ну, что у него?

— А бог его знает, — отхлебывая горячий чай, сказал Приймак. — Отравился, должно быть. Дай-ка градусник, орел.

Боец полез за пазуху и с трудом вытащил из-под всех своих гимнастерок в телогреек хрупкую стеклянку. Вид у него был плохой — лицо серое, небритое, губы сухие, спутанные черные волосы лезли из-под ушанки на глаза. На вид ему было лет 25, не больше.

Приймак глянул на градусник и встал.

— 38 и 5. Пускай полежит пока... После посмотрим.

Боец тоже встал, придерживаясь рукой за койку.

— Давно заболел? — спросил я.

— С утра...

— А чем кормили?

— Горох... Консервы...

— А раньше болел?

— Да как сказать... Не очень.

Отвечал он односложно, тихим, глухим голосом, не глядя на нас.

— Что же ты на том берегу не сказал, что болен? — спросил Приймак.

Боец поднял глаза — черные, усталые, лишенные веселого блеска, глаза ничем не интересующегося человека, — но ничего не сказал.

— Симулянт, одно слово, — пробурчал Терентьев, сгребая остатки сахара со стола в консервную банку. — Набил градусник, и все...

Приймак цыкнул на Терентьева:

— Много понимаешь ты в медицине, — и повернулся ко мне: — Консервы. Факт, что консервы... Пускай полежит денек...

Но Лютиков — фамилия этого бойца — пролежал не денек, а целую неделю. Первые два дня лежал у меня — в блиндаж моих сапер угодила мина, и пришлось его чинить, — лежал молча, подложив мешок под голову и укрывшись до подбородка шинелью. Смотрел, не мигая, в потолок черными усталыми глазами. Почти не говорил, ничего не просил, не жаловался. Раза три, обычно после еды, его тошнило, и Терентьев, убирая за ним, без умолку ворчал и швырял предметами. Потом Лютиков перешел во взводный блиндаж, и за иными делами я совсем забыл о его существовании. Напомнил мне о нем Черемных, наиболее грамотный из моих бойцов, исполнявший обязанности замполита.

— Отправили бы вы, товарищ старший лейтенант, куда-нибудь этого самого Лютикова. Работать не работает, и бодрости от него никакой...

Помкомвзвод направление в госпиталь написал, но тут как раз подвернулась какая-то срочная работа, и Лютикова оставили сторожить блиндаж.

Прошло еще несколько дней. Во взводе у меня выбыло сразу три человека и осталось четыре вместе с помкомвзводом. Командир взвода две недели уже как лежал в медсанбате. А работы как раз подвалило. Немцы разбили НП, и в одну ночь надо было его восстановить. Помкомвзвод, усатый, деловитый и сверх'естественно спокойный Казаковцев, пришел ко мне и говорит:

— Разрешите Лютикова на ночь взять. Майор велел в три наката НП делать и рельсами покрыть. Боюсь, не управимся.

— А он что, выздоровел?

— А бог его знает. Молчит все. Курить, правда, сегодня попросил. А раньше не курил. И обедать вставал.

— Что же, попробуйте.

Под утро я пошел посмотреть, как идут дела. Бойцы кончили укладку наката и засыпали его снегом. Казаковцев потирал руки:

— Управились-таки, товарищ инженер. В самый раз, в обрез. Через час уже светать будет.

Я спросил, как Лютиков. Казаковцев поморщился:

— Никак. Возьмет бревно, полсотни метров перетащит и как паровоз дышит.

— Завтра же в санчасть отправьте...

На обратном пути мы зашли на КП третьего батальона — начался утренний обстрел. Решили пересидеть.

Комбат-три — здоровенный, краснолицый, в кубанке набекрень, Никитин распекал своего начальника штаба.

— Третий раз уже приказ приходит. Третий раз — понимаете? А вы хоть бы хны... Начальник штаба называется. Ах'ютант старший... Бумажки все пишете, донесения... А думать кто будет? Я? Замполит? У нас и так работы хватает.

Начальник штаба — сутулый, длиннолицый, с красными от бессонницы глазами — молча сидел и рисовал какие-то крестики на полях газеты.

— Ты понимаешь, инженер, третий раз приказ приходит — пушку эту сволочную подавить. Под мостом. А он и в ус не дует... Бумажки все пишет. Я целый день на передовой. Крутиков тоже. А он сидит себе в тепле да по телефону только: «Обстановочку, обстановочку». Вот тебе и обстановочка... Дохнуть не дает пушка окаянная...

Пушка, о которой говорил Никитин, давно уже не давала ему покоя. Немцы втащили ее в бетонную трубу под железнодорожной насыпью и днем и ночью секли никитинский батальон с фланга. Подавить ее никак не удавалось — боеприпасов в полку было в обрез, а десяток выпущенных по ней снарядов не причинил никакого вреда — стреляла себе и стреляла. Только сейчас Никитин вернулся от командира полка после солидной головомойки и не знал, на ком сорвать злость.

Никитин набросился на меня:

— Тоже инженер называется... В газетах про вас, сапер, всякие чудеса пишут — и то взорвали, и то подорвали, а на деле что? Землянки начальству копаете.

Он встал, выругался и зашагал по блиндажу.

— Набрал себе здоровых хлопцев и трясется над ними... Снимут три-четыре мины, и сейчас же домой.

Он остановился, сдвинув кубанку с одного уха на другое.

— Ну, ей-богу же, инженер... Помоги чем-нибудь. Вот тут вот сидит у меня эта пушка. — Он хлопнул себя по шее. — Долбает, долбает, долбает — спасу нет. Снарядов нехватает, подавить нечем... Взорви ее, сволочь проклятую. Ты же сапер. Дыхнуть ведь не дает. Честное слово...

В голосе его проскочили какие-то даже жалобные нотки.

— У меня всего три человека—сам видишь. Пропадут — что я делать буду? Ты же мне не пополнишь...

— Ну одного, одного только человека дай. А помощников я уж своих выделю. Общее же дело, не мое, не личное.

— Где я тебе этого одного достану? Трех вчера потерял. Куница в медсанбате, сам знаешь.

— А эти? — он подбородком кивнул в сторону угла, где сидели и курили саперы.

— Эти мне самому нужны. Один — минер, другой плотник, третий печник... Вот и все...

— А четвертый? Связной, что ли?

— Не связной, а так... Консервами отравился.

— Знаем мы эти консервы... — и, повернувшись к саперам: — Кто об'елся, сознавайся?

Лютиков встал.

— Подойдите, не бойтесь.

Лютиков подошел. Нескладный, неестественно толстый от надетой поверх фуфайки шинели, он стоял перед Никитиным, расставив тонкие, до самых колен обмотанные ноги, и ковырял лопатой землю между ног.

— Что же у вас болит? А?

Лютиков неловчиво посмотрел на комбата, точно не понимая, чего от него хотят, и тихо сказал:

— Нутро.

— Так и знал, что нутро. Всегда у вас нутро, когда воевать не хотите.

Лютиков поднял голову, внимательно, не мигая, посмотрел на Никитина, пожевал губами, но ничего не сказал.

— Ну, а пушку подорвать можете?

— Какую пушку? — не понял Лютиков.

— Немецкую, конечно. Не нашу же...

— А где она?

— Вы мне скажите, можете или нет. Чего я зря об'яснять буду.

— Ладно, — перебил я Никитина. — Хватит жилы тянуть из человека. Поправится, тогда... Да он, к тому же, и не сапер. А если тебе действительно саперы нужны, я могу через дивинженера взвод дивизионных сапер вызвать.

Я встал.

— Казаковцев, поднимай людей.

Саперы зашевелились.

Лютиков стоял и ковырял землю лопатой.

— Давай, Лютиков, — крикнул Казаковцев, — без нас тут справятся...

Лютиков взял свой мешок и, согнувшись, вылез из землянки.

На дворе светало. Надо было торопиться.

* * *

Я совсем уже было заснул, закрывшись с головой шинелью, когда услышал, что в дверь кто-то стучится.

— Кто там? — буркнул из своего угла Терентьев.

— Старший лейтенант спят уже? — раздалось из-за двери.

— Спят.

— Кто это? — высунул я голову из-под шинели.

— Да все этот... Лютиков.

— Чего ему надо, спроси.

Но Терентьев не расслышал меня или сделал вид, что не расслышал.

— Спят старший лейтенант... Понятно? Утром придешь. Не горит.

Я смертельно хотел спать; поэтому, разделив мнение Терентьева, перевернулся на другой бок и заснул.

Утром, за перловым супом, Терентьев сообщил мне, что Лютиков раза три уже приходил и все спрашивал, не проснулся ли я.

— Позови-ка его.

Терентьев вышел. Через минуту он вернулся с Лютиковым.

— В чем дело, рассказывайте.

Лютиков замялся, неловко козырнул.

— Я насчет этой... — с трудом выдавил он из себя, — пушки той...

— Какой пушки?

— Что комбат давеча говорил...

— Ну?

— Подорвать, говорил комбат, ее надо.

— Надо. Дальше?

— Ну, вот я и того... решил, значит...

— Подорвать, что ли? Так я вас понял?

— Так... — еле слышно ответил Лютиков, не поднимая головы.

— Но вы и тола-то еще не видели, зажигательной трубки. А еще туда же, взрывать!

— Это ничего, товарищ старший лейтенант, что не видал, — в голосе его послышался упрек. — Обидел он меня сильно.

— Кто обидел?

— Комбат Никитин. Все вы, говорит, на нутро жалуетесь, когда воевать не хочете.

Я рассмеялся:

— Чепуха, Лютиков. Это он так брякнул, для смеху. Все мы знаем, что вы действительно нездоровы. Сегодня в санроту пойдете. Скажете Казаковцеву, у него направление есть. Ступайте. Полечитесь.

Лютиков ничего не сказал, только посмотрел на меня исподлобья, неловко повернулся, споткнувшись о валявшиеся на полу дрова, и вышел.

Целый день я пробыл в саперном батальоне на инструктивных занятиях. Вернулся поздно. В дверях штабной землянки столкнулся с Казаковцевым.

— Чего вы тут?

— Трубы майору чинил. Печка дымит.

— Исправили?

— А как же.

— Меня майор не спрашивал?

— Спрашивать не спрашивал, но там как раз комбат Никитин. Вас ругает, что пушку не хотите подорвать.

— Пусть говорит. Лютикова отправили?

Казаковцев только рукой махнул:

— Его отправишь! Выздоровел, говорит, я уже. Совсем выздоровел.

— Вот еще несчастье на нашу голову!

— Я его и так и этак — ни в какую.

— Бойцы в расположении или на задании?

— Во втором батальоне, колья заготовляют.

— Вернутся — пошлете двоих с ним в санчасть. Пусть там решают, выздоровел он или нет. Ясно? Надоела мне эта канитель.

(Окончание на 4 стр.).